

Т. Н. БОРОЗДИНА-КОЗЬМИНА — УЧЕНИЦА И НАСЛЕДНИЦА ДЕЛА Б. А. ТУРАЕВА В МУЗЕЕ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

Тамара Николаевна Бороздина-Козьмина относится к тем незаметным ученым, которые не оставили после себя громкой славы великих лекторов и авторов многочисленных объемистых трудов. Так сложилась жизнь, что ей всегда доставалась "роль второго плана", хотя начало ее работы в Музее изящных искусств было необыкновенно счастливым: именно она была одной из последних и любимых учениц Бориса Александровича Тураева. Поэтому ее имя всегда будет озарено "светом неувечерним", исходящим от удивительной личности "отца русской египтологии".

Тамара Николаевна Бороздина родилась 31 августа 1889 года в Костроме.¹ Потомственная дворянка, она получила среднее образование в Московском Мариинском Институте², а затем поступила на Московские Высшие Женские курсы и окончила два отделения: историко-философское и истории искусств. Несомненно, ее привлекал древний мир: первые публикации — статьи в V томе "Народной энциклопедии" (Изд. Сытина, 1912) — посвящены искусству Египта, Передней Азии, Греции и Рима. Скорее всего, этот интерес к древности возник под влиянием старшего брата — Ильи Николаевича Бороздина (1883–1959), закончившего в 1907 г. Историко-филологический факультет Московского университета. Перу этого ученого принадлежит более 400 публикаций, первая из которых появилась в 1903 г., когда он был еще студентом.³

Весьма вероятно, что И. Н. Бороздин и познакомил сестру с профессором Санкт-Петербургского университета Б. А. Тураевым. Ученых объединяло стремление приобщить русскую интеллигенцию к достижениям науки о древностях: вместе они редактировали сборник "Древний Восток", включающий переводы наиболее характерных источников (М., 1915 – см. ниже). Памяти Б. А. Тураева И. Н. Бороздин посвятил несколько работ.⁴

К сожалению, тоненькая папка с ее личным делом, хранящаяся в архиве ГМИИ имени А. С. Пушкина, не содержит документов, проливающих свет на становление Т. Н. Бороздиной как египтолога. В ходатайстве о принятии ее в Музей штатным ассистентом Б. А. Тураев пишет, что она начала заниматься египтологией с осени 1912 г. (см. ниже⁵). Не исключено, что именно встреча с Б. А. Тураевым обусловила выбор юной девушкой этой

¹ Автор выражает искреннюю благодарность зав. Отделом древнего Египта ГМИИ имени А. С. Пушкина С. И. Ходжаш, зав. архивом Музея М. Б. Аксененко и всем сотрудникам. Без их помощи эта работа не могла быть осуществлена. Личное дело Т. Н. Бороздиной-Козьминой хранится в Архиве ГМИИ: ф. 5, оп. 4, ед. хр. 142-б. В анкете 1926 г. почему-то указан 1890 г. рождения (ф. 5, оп. 4, ед. хр. 142, л. 18–19). Примечательно, что в 1882 г. в Костроме родился другой египтолог — В. М. Викентьев.

² Архив ГМИИ, Ф. 5, оп. 4, ед. хр. 142, л. 1, 15. В анкете 1926 г., где есть не заполненный ею пункт о партийной принадлежности (с уточнением: до Февральской, до Октябрьской революций и после), она еще пишет: "дворянка" – Архив ГМИИ, Ф. 5, оп. 4, ед. хр. 142, л. 18, 19). В анкете от 7 января 1930 г. в графе "Социальное происхождение" читаем: "дочь преподавателя гимназии" (Архив ГМИИ, Ф. 5, оп. 4, ед. хр. 142, л. 53).

³ Профессор И. Н. Бороздин преподавал в МГПИ имени В. И. Ленина, Туркменском педагогическом институте, с 1943 по 1959 г. заведовал кафедрой всеобщей истории Воронежского государственного университета. Круг его научных интересов был весьма широк, но центральными всегда были темы, связанные с древней историей. Особенно примечательны его работы (в том числе и археологические на Гераклейском полуострове) по истории античных колоний на юге России. Значителен вклад И. Н. Бороздина в изучение историографии: ему принадлежит фундаментальное издание "Биографический словарь членов Московского археологического общества", очерки о П. Н. Кудрявцеве, М. И. Ростовцеве, Б. А. Тураеве, Б. В. Фармаковском и др. И. Н. Бороздин активно занимался редакторской деятельностью: являлся постоянным сотрудником журнала "Гермес" со времени его основания, с 1922 по 1930 гг. руководил историко-этнологическим отделом журнала "Новый Восток" (С. Д. Милибанд. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд. Кн. II. М., 1995. С. 185; К 75-летию профессора И. Н. Бороздина // ВДИ, 1959, N 1, с. 218–219; Памяти И. Н. Бороздина // ВДИ, 1960, № 1. С. 122).

⁴ Статья "Тураев" для Энциклопедического словаря Гранат (Т. 41, ч. 10. М., 1932, стб. 41–44; Академик Б. А. Тураев и русская наука // Вопросы истории, 1947, № 11. С. 80–84.

⁵ Архив ГМИИ, ф. 5, оп. 4, ед. хр. 142, л. 3.

сложной специальности. По воспоминаниям слушателей, его лекции были превосходны: он обладал не только обширными знаниями, но и редким даром "переносить" присутствующих в мир давно ушедших древневосточных культур. Кроме того, студентов влекли человеческие качества Тураева, и возможно, многие из них выбрали не столько специальность, сколько Учителя.

По окончании Высших Женских Курсов Т. Н. Бороздина была оставлена для подготовки к профессорской деятельности (как Б. А. Тураев 25 годами раньше в Санкт-Петербургском университете). В своем Curriculum vitae она пишет: "Специально работала по египтологии под руководством профессора академика Б. А. Тураева и по истории искусств под руководством профессора В. К. Мальмберга. Занималась на специальных семинариях по египетскому языку, изучила египетские письмена, как иероглифику, так и иератику. Изучала древнееврейский язык. На семинариях по истории искусств и археологии, главным образом, изучала Египет и вообще Восток".⁶ Из современных языков она знала французский, немецкий, английский и итальянский. Безусловно, молодая девушка владела всем необходимым египтологу "инструментарием".

Правда, Т. Н. Бороздиной не хватало важного для ученого качества — железного здоровья. В ее личном деле сохранился черновик письма, составленного Б. А. Тураевым, а затем отпечатанного за подписями его и В. К. Мальмберга:

11/XI 1915

В Историко-филологический Факультет ВЖМК

Имеем честь довести до сведения Факультета, что оставленная при Курсах Т. Н. Бороздина занималась в отчетном году под нашим руководством плодотворно и интенсивно, но не имела возможности обработать к сроку своего отчета, вследствие плеврита, которым она захворала в половине октября. Просим продолжить для нея срок представления отчета до 1 декабря с.г.

Б. А. Тураев

В. К. Мальмберг.⁷

Б. А. Тураев руководил подготовкой Т. Н. Бороздиной как профессионального музейного специалиста: свои занятия по истории древнего Востока и египтологии он проводил прямо в залах, как свидетельствуют Отчеты Музея за 1913–1920 гг. и воспоминания его слушателей.⁸ Тамара Николаевна принимала участие в этих лекциях и семинарах не только как ученица, но и как ассистентка профессора. Она пишет о своих занятиях египетским языком: "Я никогда не забуду этого удивительного руководства, полного глубины, желания всячески помочь и облегчить встречаемые трудности, а также глубокую радость, когда ученик справлялся со своей задачей. Все свои знания, свой богатый опыт Б. А. отдавал ученикам. Как искренно хлопотал он, чтоб добыть ту или иную книгу или какой-нибудь материал, необходимый для них".⁹

Т. Н. Бороздина активно вовлекается в начинания Учителя. В 1913 г. он доверительно пишет ей: "В нашем зале я распорядился сделать перестановку на стендах Древнего царства из слепков, что уже исполнено; привешены к дверям железные врата, так что зал теперь будет открываться. Хотел, наконец, повесить ассирийский барельеф, но пришлось от этого

⁶ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр.142, л.15, 50–51.

⁷ Архив ГМИИ, ф. 5, оп.4, ед.хр.142, л.2, 6.

⁸ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.60, л.2; ед.хр. 126, л.17; ед.хр.169, л.25; ед.хр.200, л.30, 33; ед.хр.355, л. 47 об.

⁹ Архив ГМИИ, новая коллекция XXXVIII, N 12 = Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912). М., 1987. С. 307–308.

отказаться — один из лепщиков снова уехал во вторичный разрешенный ему отпуск, другой пребывает в очередном периоде пьянства".¹⁰

В Отчете Музея за 1913 г. упоминается о составлении ею описания египетских сосудов.¹¹ Для "Экскурсионного Вестника" (кн. 1, М., 1914) она подготовила обзор Отдела Востока и греко-римских древностей.¹²

Б. А. Тураев придавал первостепенное значение работе по описанию коллекций, и его ученики постоянно этим занимались. Не все было включено в Отчеты Музея — Тураев гораздо лучше делал реальное дело, чем отражал его в планах и отчетах, и то же самое можно сказать о его ученице. Архивные материалы вообще подводят к мысли о том, что то и другое несовместимо по определению... Либо наших планов "громадь" и сверх всяких человеческих возможностей отчет, либо просто нормально делаемая рутинная работа, на которой не "сделаешь имя", но без которой Музей не может существовать... Если бы этого неприметного кропотливого труда не было, как бы в 1915 г. Т. Н. Бороздина смогла издать первую публикацию памятника коллекции В. С. Голенищева: "Лук и стрелы египетского царевича Амени" (Сборник в честь Л. М. Савелова. Изд. Левенсон), а в 1917 — описание египетских скульптурных моделей из Голенищевской коллекции (см. ниже)?

В 1945 г. в статье памяти Тураева Т. Н. Бороздина вспоминала о счастливых годах молодости: "Работая в течение нескольких лет совместно с Борисом Александровичем, я всегда восхищалась его исключительным подъемом, когда он приступал к обследованию подлинника. Он как-то весь загорался творческим огнем <...> никогда не считался со временем, а отдавался целиком любимой работе, часами сидел над обследуемым памятником.

Своих учеников Борис Александрович приучал к такому же серьезному отношению к научной работе и искренно радовался их успехам на научном поприще".¹³

В Отчете Музея за 1915 г. Т. Н. Бороздина фигурирует как автор "особого карточного инвентаря по Христианскому Отделу с краткими характеристиками каждого памятника".¹⁴ Этот инвентарь безусловно был подготовлен под руководством Б. А. Тураева, заинтересованного в создании Христианского Отдела Музея. В 1916 г. Бороздина, вероятно, принимала участие в затеянном Тураевым разборе и приготовлении к печати иератических папирусов Египетского Отдела.¹⁵

Другим главным направлением научной работы проф. Б. А. Тураева, хотя и тесно связанным с описанием музейных подлинников, была публикация переводов на русский язык наиболее характерных древних текстов. Для I части редактируемого им и И. Н. Бороздиным "Изборника источников по культурной истории Востока, Греции и Рима" Т. Н. Бороздина переводит древнеегипетские заклинания против огня и детской болезни и помогает подобрать иллюстрации (М., 1915, с. IV, 11, 12).

Важнейшим этапом становления профессионала является практика.

Т. Н. Бороздина с 1912 г. была "руководительницей экскурсионных осмотров" (в личном деле сохранилась соответствующая справка на бланке Музея от 2 апреля 1915 г.¹⁶). В Отчете Музея за 1912 г. упоминается о "сердечной признательности" дирекции студентам Московского Университета, ВЖК и Императорского Археологического Института, "безвозмездно принявшим на себя труд руководить групповыми осмотрами Музея". В числе энту-

¹⁰ Там же. С. 302.

¹¹ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.60, л. 2.

¹² Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр. 142, л.17 об.

¹³ Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев. С. 306–307

¹⁴ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.169, л. 2–3, 25.

¹⁵ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.200, л. 29.

¹⁶ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр.142, л. 1. В "Трудовом списке", составленном в 1928 г., ее первая должность в Музее названа "научный сотрудник" (там же, л. 99).

зиастов — Т. Н. Бороздина.¹⁷ Эту сторону ее деятельности в Музее упоминает Б. А. Тураев в ходатайстве о принятии Бороздиной в штатные ассистенты (см. ниже¹⁸).

По воспоминаниям другой студентки Высших Женских Курсов, Н. Н. Клейн, работавшей в Музее с 1912 г., "штат Музея был невелик — директор, старший и младший хранители, ученый секретарь, библиотекарь — он же смотритель здания, реставратор, две канцелярские "дамы", да мы — "барышни", как нас тогда называли «пятеро». Попасть в Музей было чрезвычайно трудно, все равно, что выиграть 200 тысяч, и считалось особой честью".¹⁹ Хотя имя Т. Н. Бороздиной не упомянуто среди пяти барышень, этот написанный Н. Н. Клейн в 1947 г. текст "Памяти И. В. Цветаева" дает интересный материал по истории становления Музея, проливающий свет и на судьбу нашей героини. По свидетельству Н. Н. Клейн, наплыв публики в Музей был колоссальный ("хвосты" по Волхонке до улицы Фрунзе!). Первые объяснения посетителям давали: И. В. Цветаев, В. К. Мальмберг, Б. А. Тураев, Н. А. Щербаков, А. В. Назаревский. Продолжим цитирование: "Помогали также оставленные при университете "подающие надежды" молодые историки искусств Д. С. Недович и А. А. Сидоров".

Затем желающих получать объяснения оказалось так много, что Иван Владимирович предложил подготовиться нам, молодым сотрудницам, для ведения групп рабочих, учащихся и служащих".²⁰ Штатных "барышень" все равно не хватало, поэтому обязанности "руководительниц групп", т. е. экскурсоводов, исполняли внештатные сотрудники. Таковой и являлась Т. Н. Бороздина, как показывают Отчеты Музея. Заметим, что профессора И. В. Цветаев, В. К. Мальмберг и Б. А. Тураев читали "лекции специально для работников Музея" — а что может быть лучше такой подготовки?²¹

В архивном фонде Н. Н. Клейн (Шмыткиной по первому браку) оказались другие документы, связанные с началом работы Т. Н. Бороздиной в Музее.

8 ноября 1912 г. и. о. директора И. В. Цветаев направляет в Правление Императорского Московского университета письмо следующего содержания:

"Для надзора за открытым для публики читальным залом, а равно для работы по каталогизации книг, фотографий и всякого рода репродукций, я должен был пригласить в виду обилия работы в этой области, кроме <...> А. Жировой и Н. Тюриной, — окончившую Высшие Женские Курсы с дипломом I степени Тамару Бороздину и слушательницу Императорского Московского Археологического Института Надежду Шмыткину.

Названные лица с ноября месяца несущие те же обязанности, что А. Жирова и Н. Тюрина, оказались вполне подготовленными к возложенным на них обязанностям и весьма полезными делу планомерного устройства Библиотеки и читальни труженицами. Вследствие сего я позволяю себе почтительнейше ходатайствовать пред Правлением Императорского Московского университета, в виду настоятельной потребности увеличения наличных сил при Библиотеке Музея, разрешить пригласить Т. Бороздину и Н. Шмыткину для постоянных занятий при Музейной Библиотеке и назначения вознаграждения из остатков от штатных сумм Музея по личному составу ст. 1.6, лит.

А сметы 1912 г. по 400 руб. в год каждой, с 1-го истекающего ноября, т. е. со времени начала их занятий по библиотечному делу в Музее".²²

¹⁷ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.8, л. 4.

¹⁸ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр. 142, л. 3–4.

¹⁹ И. В. Цветаев создает музей. (Сост. и комм. А. А. Демской, Л. М. Смирновой) М.: Галарт, 1995. С. 369. Обращение к полному тексту воспоминаний обрушило мою надежду найти среди пятерых "барышень" Т. Н. Бороздину: Н. Н. Клейн кроме себя называет В. К. Андрееву (Шилейко), К. М. Костромину (Маницкую), Н. М. Черемухину, Н. П. Тюрину (Архив ГМИИ, ф. 8, оп. IX, ед.хр. 10).

²⁰ И. В. Цветаев создает музей. С. 369.

²¹ Архив ГМИИ, ф. 8, оп. IX, ед.хр.1, л. 27 об.

²² Архив ГМИИ, ф.8, оп. IX, ед.хр.1, л. 3.

В начале января 1913 г. И. В. Цветаев повторяет свою просьбу в Правление Московского университета заплатить молодым сотрудницам Библиотеки Т. Бороздиной и Н. Шмыткиной по 66 руб. 66 коп. каждой.²³

В 1947 г. Н. Н. Клейн вспоминала о создателе и первом директоре Музея: "Отношение его к нам, сотрудницам, было исключительное, мы были действительно его сотрудницами, хотя младшими, но равными. Он был прост и доступен. С любым делом и вопросом можно было прийти к нему. Он не только с вниманием и охотой выслушивал, но и потечески интересовался нашими делами, экзаменами, научными работами. <...> В это время, когда еще мысль о женском образовании далеко не имела сочувствия в Министерстве народного просвещения и правительственных кругах, Иван Владимирович явился ярким поборником женского образования, что и доказал на практике, стараясь всеми силами, где и как был в состоянии, помочь женщинам на пути к высшему образованию и устройству их в научных учреждениях".²⁴ При таком замечательном директоре началась работа Т. Н. Бороздиной в Музее. Увы, вскоре И. В. Цветаева не стало.

Чрезвычайно любопытно было бы узнать, каким образом Т. Н. Бороздина была привлечена к работе в Музее: пришла ли она по совету старшего брата, по рекомендации кого-либо из профессоров (возможно, самого Б. А. Тураева?), "за компанию" с подружкой по Курсам или сама, по зову сердца? Если начало великому Музею положили "деньги старушки", весьма далекой от искусства,²⁵ то почему нас должно удивлять желание студентки историко-философского и искусствоведческого отделений приобщиться к этому делу? Судя по ходатайствам И. В. Цветаева, она начала работать в Музее по крайней мере с ноября 1912 г. Как ясно из упомянутой выше справки и Отчета Музея, она "руководила" экскурсиями и в 1915 г. (на 11 экскурсоводов тогда "пришлось" 322 группы), а скорее — на протяжении всего срока работы в Музее.²⁶

В 1916 г. Т. Н. Бороздина сдала государственные экзамены на историко-филологическом факультете МГУ и опять получила диплом I степени (за № 3501).

В начале 1917 г. профессор Б. А. Тураев обратился в дирекцию Музея с письменным ходатайством о предоставлении Т. Н. Бороздиной должности ассистента или помощника хранителя Отдела египетских и восточных древностей. Так как документ содержит ряд новых деталей, приводим его полностью по рукописи:

Тамара Николаевна Бороздина состоит при Отделении египетских и восточных древностей Музея Изящных Искусств имени Имп. Александра III съ осени 1912 г. и с этого же времени занимается под моим руководством Египтологией, обращая преимущественное внимание на археологию и историю египетского искусства. Кроме исполнения обязанностей руководительницы групп, посещающих Музей, она была деятельной сотрудницей по инвентаризации и описанию памятников. Ею составлены и приготовлены къ печати научные инвентари египетских сосудов, их подобию, амулетов; научное описание скульптурных моделей уже напечатано как 2-й выпуск общего научного инвентаря коллекций Египетского зала. Памятники Музея дали ей материал и для другой ее печатной работы: "Лук и стрелы царевича Амени". Кроме того ей принадлежит ряд рецензий в журнале "Гермес" и др. Въ 1916 г. г-жа Бороздина выдержала при Московском Университете испытание в государственной Комиссии с дипломом I степени. В настоящее время она готовится къ магистерскому экзамену по истории Искусств и имеет приступить к нему в ближайшем будущем.

Г-жа Бороздина фактически уже с 1913 года несет обязанности ассистента при Отделении египетских и восточных древностей Музея, что является особенно необходимым во время моего отсутствия. В виду особой важности отдела и вызываемых им научных работ

²³ Архив ГМИИ, ф.8, оп.IX, ед.хр.1, л. 1.

²⁴ И. В. Цветаев создает музей. С. 370.

²⁵ И. В. Цветаев создает музей. С. 393, прим. 3.

²⁶ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр. 169, л. 4, 26.

было возбуждено пред Министерством Народного Просвещения ходатайство о создании штатной должности ассистента при Отделе Египетских и восточных древностей, каковое ходатайство было удовлетворено. Отношением Г-на Попечителя Московского Учебного Округа на имя Г. Ректора Университета от 8 июля с.г. за № 20666 г-жа Бороздина допущена к исполнению обязанностей сверхштатного ассистента при египетском Отделе. Ходатайству пред факультетом к избранию ее на означенную должность.

Б. Тураев.²⁷

Протокол заседания Хозяйственного Комитета Музея от 9 февраля 1917 г. подтверждает недатированное ходатайство:

Слушали письменное предложение проф. Б. А. Тураева о предоставлении Т. Н. Бороздиной должности ассистента или помощника хранителя Отдела египетских и восточных древностей Музея.

Постановлено войти в Историко-Филологический Факультет Императорского Московского Университета с предложением об утверждении должности сверхштатного ассистента для заведования специально египетским отделом с вознаграждением в 840 рублей в год. О результатах сообщить правлению Университета.²⁸

Конечно, в Египетском Отделе необходим был постоянно проживающий в Москве сотрудник, ведь Борис Александрович жил и работал в Петербурге, а в Музее бывал наездами, хотя довольно часто — дважды в месяц.

Под Протоколом Хозяйственного Комитета от 7 апреля 1917 г. уже стоит подпись самой Т. Н. Бороздиной. 9 октября 1917 г. тот же Комитет рассматривает "вопрос о перемещении оклада сверхштатного ассистента Т. Н. Бороздиной из литеры А в специальные средства Университета или в литеру Б для освобождения оклада 2-го младшего хранителя".²⁹

Выходят в свет новые работы начинающего ученого: "Египетские скульптурные модели Музея Изыщных Искусств при Московском университете" с XI таблицами (Московский Меркурий. Сб. по истории, литературе и искусству. Вып. 1. М., 1917. С. 231–241); рецензия на книгу Дж. Г. Брэстеда (Литературные известия за 1916 г.). Для 3-го издания тураевского "Изборника источников по культурной истории Востока, Греции и Рима" Т. Н. Бороздина подготовила перевод "Из плача Исиды и Нефтиды над умершим Осирисом" и научные примечания (Древний мир. М., 1917).³⁰

Конец октября ознаменовался революционными событиями в Москве. В результате артиллерийской и ружейной стрельбы 26 октября – 3 ноября здание Музея было повреждено, перестали топить. Крайнюю обеспокоенность Б. А. Тураева судьбой драгоценной коллекции египетских древностей разделяла и его ученица. 5 декабря Комитетом по охране памятников искусства и старины был поставлен вопрос о возможном вывозе коллекции Голенищева в Исторический музей. 15 декабря на заседании факультетской комиссии, посвященном этой проблеме, присутствовала Т. Н. Бороздина.³¹ По документам трудно судить о принятых решениях, но коллекция осталась в родных стенах.

Времена наступили тяжелые, но тем не менее в 1918–1919 г. Египетский Отдел посетило 25 экскурсионных групп! Скупые строки Отчета Музея не указывают, кто именно из сотрудников водил экскурсантов по неотопливаемым залам Музея, однако нам выбирать

²⁷ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр. 142, л. 3–4.

²⁸ Архив ГМИИ, Ф.5, оп.1, ед.хр. 3а, л. 50 об.

²⁹ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр. 3а, л. 55.

³⁰ Отчет Музея Изыщных Искусств за 1917 г. — Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.8, л. 34.

³¹ Подробнее см. очерк о Б. А. Тураеве. Архив ГМИИ, Ф.5, оп.1, ед. хр. 3а, л. 57 об.; ф.5, оп.1, ед.хр. 240, 241, 271.

особенно не из кого.³² Т. Н. Бороздина "не прекращала работы в Музее", о чем свидетельствует ее имя в списке рекомендованных Хозяйственным Комитетом к вознаграждению 26 июня 1919 г.³³ Через год тот же Комитет избирает комиссию по распределению среди сотрудников головных уборов, мужских трикотажей и 3 пар женских туфель...³⁴

В 1919 г. в Москве выходит в свет небольшая брошюра Т. Н. Бороздиной "Древне-египетский танец". В мировой историографии это было первое обращение к этой теме.

Вместе с Учителем Т. Н. Бороздина продолжала заниматься описанием древнеегипетских памятников Голенищевской коллекции. В Отчете Музея за 1918–1919 гг. упоминается о завершении Б. А. Тураевым, Т. Н. Бороздиной и В. К. Мальмбергом описания саркофагов, ушебти, стел.³⁵ Тогда же была принята на хранение в Египетский отдел коллекция древностей А. А. Пальникова, и ассистент Бороздина не могла не принять участия в этом важном деле. Изучались не только памятники Музея изящных искусств: сохранилась записка за № 518 от 25 декабря 1934 г. зам. директора Музея Антропологии при МГУ, сопровождавшая расшифровку иероглифической надписи на саркофаге Иусанх (21 династия), сделанную Б. А. Тураевым и Т. Н. Бороздиной. К сожалению, в записке не указано когда была произведена эта "расшифровка".³⁶

Нам это может казаться несколько странным, но революционные события всколыхнули активность людей, весьма далеких от политики. Постоянно организовывались различные общества, создавались захватывающие дух проекты, которым, конечно, не суждено было осуществиться. Первые годы перестройки оказали совершенно такой же катализирующий эффект на интеллигенцию. Если учесть бытовые трудности, то действительно согласишься — "не хлебом единым"... Правда, по мере спада пьянящего энтузиазма новизны и улучшения быта почему-то все больше сомневаешься в справедливости этой формулы и склоняешься к "хлебу".

Профессор Б. А. Тураев и его ученица Т. Н. Бороздина тоже участвовали в деятельности разных научных обществ и организаций. Их имена есть в списке гостей первого собрания Кружка (позднее Общества) по изучению древних культур, видимо состоявшегося благодаря стараниям В. М. Викентьева 4 июня 1917 г. на его квартире в доме у храма Христа Спасителя.³⁷ Тамара Николаевна была и на втором собрании 14 февраля 1918 г. На экстренном заседании Общества 7 июня 1920 г., созванном в память безвременно ушедшего приват-доцента Петроградского Университета Н. М. Волкова, академик Б. А. Тураев единогласно избирается его Председателем (заочно), В. М. Викентьев — товарищем Председателя, а Т. Н. Бороздина — членом Ревизионной комиссии.³⁸

По представлению Б. А. Тураева, в 1920 г. Т. Н. Бороздина была избрана научным сотрудником ГАИМК по разряду Археологии Классического Востока и работала в Восточной комиссии по вопросам египтологии.³⁹

Согласно Биобиблиографическому словарю С. Д. Милибанд, с того же года она состояла чл.-корр. Московского Археологического общества, а с 1924 — зам. председателя комиссии по восточному искусству при Всесоюзной научной ассоциации востоковедов.⁴⁰

Устроилась и личная жизнь нашей героини: ее избранником стал Борис Павлович Козьмин. 5 апреля 1920 в семье, обосновавшейся совсем рядом с Музеем в Сивцевом вражке (дом 9 — не сохранился), родился первенец — Мстислав (он пойдет по стопам матери —

³² Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр. 295, л. 45.

³³ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр. 3а, л. 74.

³⁴ Там же, л.96.

³⁵ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.295, 325, л. 41.

³⁶ Архив ГМИИ, новая коллекция XXXVIII, ед.хр.5, л. 51.

³⁷ Архив ГМИИ, ф.4, оп.1, ед.хр.96, л. 5.

³⁸ Там же, л.14.

³⁹ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр.142, л. 15.

⁴⁰ С. Д. Милибанд. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Кн. II. С. 572.

станет директором Музея литературы имени А. М. Горького). В 1926 году здесь появятся сразу два сына: Вадим и Олег.

В конце июля 1920 г. пришла страшная весть из Петербурга: умер Борис Александрович. Забота о всемирно известной коллекции легла на плечи молодой женщины — с 3 августа 1920 г. она назначается и. о. зав. Египетским подотделом.⁴¹ Это отвратительное сокращение "и. о." будет ее преследовать до конца ее работы в Музее. В Отчете Музея за 1920 г. формулировка иная: "по постановлению Факультета, временное исполнение обязанностей заведующего Восточным Отделом возложено на зав. Египетским подотделом Т. Н. Бороздину"⁴². Конечно, тогда было не до точного обозначения должностей.

Т. Н. Бороздина-Козьмина старалась. 16 декабря 1920 г. на заседании Хозяйственного Комитета она поднимает вопрос о необходимости срочного исправления замков витрин и полок в Египетском подотделе.⁴³ Она готовит к печати работу "Коптские ткани Музея", положившую начало ее вышедшей позже статье "Коптский зал в ГМИИ"⁴⁴; продолжает заниматься каменными сосудами, для чего договаривается о командировании в Музей специалистов по определению материалов.⁴⁵

Документы Архива ГМИИ скупо отразили тяжести быта 20-х годов. Думается, реальная жизнь небогатой до революции интеллигентной семьи, да еще и с маленьким ребенком, была довольно сложной. Дирекция Музея оказывала определенную помощь сотрудникам, выдавая им справки, необходимые для борьбы с рвением новых властей в перераспределении имущества граждан. Одна из справок просит "охранить от реквизиции занимаемое тов. Бороздиной-Козьминой помещение" (речь идет о 2 комнатах — "1 для жилья и 1 для профессиональных занятий").⁴⁶ Испортивший советских людей проклятый квартирный вопрос всплывал неоднократно: сохранилась копия выданного администрацией Бороздиной документа о закреплении за ней прав на дополнительную комнату площадью 30,5 м, так как "по роду научной деятельности он (sic) имеет право на пользование таковой".⁴⁷

Но если бы проблемы ограничивались квартирным вопросом! 24 августа 1921 г. Ученый Совет Музея постановил: "ходатайствовать перед Президиумом МГУ о необходимости удовлетворить академическим пайком Ученого секретаря А. В. Живаго и и. о. зав. Отдела Востока Т. Н. Бороздину-Козьмину, несущих сложные и ответственные работы в Музее, характера строго научного и чисто преподавательского. Большая затрата физических и умственных сил и полная материальная необеспеченность этих работников просвещения уже давно числящихся кандидатами на получение означенного пайка по мнению Ученого Совета требует этой поддержки".⁴⁸ В одном документе соединились имена двух близких Б. А. Тураеву людей. Похоже, Бороздина так и исполняла обязанности заведующего всем Отделом Востока.

Удивительно, но в этой обстановке, в августе 1922 г. в Москве состоялся I съезд египтологов, приуроченный к столетнему юбилею дешифровки иероглифики Ж. Ф. Шампольоном. Т. Н. Бороздина-Козьмина приняла живейшее участие в его организации. Резолюция 3-го дня фиксирует решение съезда: "организовать объединение египтологов при Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения с Бюро, имеющим два отделения — в Москве и Петербурге". Председателем Московского отделения был избран преподававший тогда в МГУ И. Г. Франк-Каменецкий, а Ученым секретарем — Т. Н. Бороздина. Инте-

⁴¹ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр. 142, л. 7.

⁴² Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.355, л. 47 об.

⁴³ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.3а, л. 99.

⁴⁴ Новый Восток. М., 1925. Кн. 10–11. С. 370–379. Подписано: Т. Козьмина.

⁴⁵ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.355, л. 47 об.

⁴⁶ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр.142, л. 8.

⁴⁷ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр.142, л. 38. Справка не датирована, но находится среди документов

1926 г.

⁴⁸ Там же, л. 10.

ресен один из последних пунктов резолюции: "Признать крайне желательным скорейшее издание биографии Б. А. Тураева. Составление ее поручить его ближайшей ученице Т. Н. Бороздиной-Козьминой".⁴⁹ К сожалению, этой работе не суждено было увидеть свет, но появились другие.

Тамара Николаевна свято берегла память об Учителе, собирала его письма и связанные с ним документы. По воспоминаниям жены В. К. Мальмберга, она взяла письмо Е. Ф. Тураевой, в котором говорилось как Борис Александрович любил Музей и его сотрудников (это был ответ на выражения соболезнования, присланные ей из Москвы по поводу смерти Б. А. Тураева).⁵⁰

В 1922 г. в журнале "Жизнь" Т. Н. Бороздина-Козьмина опубликовала статью "Последние работы акад. Б. А. Тураева" (№ 3. С. 101–112), а в 1923 — "Развитие египтологии в России" (Новый Восток. Кн. 3. М., 1923. С. 342–361).

Много лет спустя, в 1945 г., для Бюллетеня Музея она подготовила статью "Б. А. Тураев и его музейная работа", где вновь обратилась к характеристике трудов Учителя, посвященных описанию древнеегипетских памятников. Для нас драгоценны ее упоминания о последних неопубликованных трудах Б. А. Тураева — возможно, что-то из них еще будет обнаружено в архивах. В этой статье Тамара Николаевна цитирует некоторые из его писем к ней.⁵¹ Следовательно, эти письма "пережили" годы войны и могут быть найдены. Когда она писала эту статью, то была уже старше своего рано ушедшего Учителя. В ее теплых словах о незабываемом Борисе Александровиче ощущается искреннее восхищение и любовь к этому действительно великолепному человеку.

Трудно представить, как жили и работали сотрудники музеев в начале 20-х. Но думается, если бы был жив Б. А. Тураев, некоторые документы за подписями В. М. Викентьева и В. И. Авдиева просто не появились бы на свет. Сейчас мысль о перемещении Голенищевской коллекции (пусть даже на время) из специально и с такой любовью созданного для нее Р. И. Клейном, И. В. Цветаевым, Ю. С. Нечаевым-Мальцевым зала⁵² кажется чудовищной. Не беру на себя смелость судить об их действиях из нашего далека — ведь в лихие дни московского вооруженного восстания сам Борис Александрович ставил вопрос о переносе наиболее ценных предметов Голенищевской коллекции в безопасное место (см. прим. 31). Попытаемся привести документы и порожденные ими чувства в порядок.

В революционные годы В. М. Викентьев развернул необыкновенно активную деятельность на ниве египтологии.⁵³ Он являлся организатором разных Кружков и Обществ (см. выше). На смену Обществу по изучению древних культур приходит Историко-Археологическое Отделение Дворца Искусств, которому была суждена очень короткая жизнь. Желая стать его членом должен был заручиться двумя рекомендациями, впрочем, похоже формальными — почти все рекомендации, в том числе Бороздиной, подписаны председателем Отделения Андреем Белым и Г. Рачинским. 1 августа 1920 г. на первом заседании Тамара Николаевна предлагает помимо лекций по памятникам древней литературы "устроить выставки на местах, т. е. в том или ином музее, организуя выставочные материалы музеев; ученики Тураева устроили так выставку египетских древностей".⁵⁴ К сожалению, больше ничего об этой выставке неизвестно.

Главным результатом деятельности В. М. Викентьева стало создание Музея-Института Классического Востока в конце 1918 г. в помещении Исторического музея. Есте-

⁴⁹ Архив ГМИИ, ф.4, оп.1, ед.хр.16, л. 3.

⁵⁰ Дневник А. В. Живаго // Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев. С. 298, прим."х".

⁵¹ Статья была напечатана под названием "Б. А. Тураев и его музейная работа" в сборнике документов "Из архива ГМИИ. Вып.3. Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев". С. 300–310; полный текст: Архив ГМИИ, новая коллекция XXVIII, ед.хр.12).

⁵² Подробнее см. очерк о Б. А. Тураеве. Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр. 3а, л. 57 об.; И. В. Цветаев создает музей. С. 93, 290–291, 293.

⁵³ Подробнее см. очерк о В. М. Викентьеве.

⁵⁴ Архив ГМИИ, ф.4, оп.1, ед.хр.91, л. 4, 10, 11.

ственно, обрета "базу", директор МИКВ стремился оснастить ее сотрудниками, книгами и памятниками. Как известно, после революции даже прах избранных деятелей культуры перезахоранивался ради создания удобного для посещения трудящимися мемориала. Что же говорить о памятниках искусства? Коллекции легко перебрасывали из одного музея в другой, а в 1921 г. возникла идея объединения всех московских древневосточных собраний и помещения их в одно здание с проектируемым Музеем Западного Искусства. В. М. Викентьев направил в Главмузей Наркомата Просвещения весьма обоснованный документ о нецелесообразности подобных действий.⁵⁵ Но когда речь зашла о помещении в Музей изобразительных искусств египетских древностей из собрания Румянцевского музея, он заявил столь энергичный протест, что получил эти памятники для своего Института.⁵⁶ В качестве главного аргумента в пользу такого решения проблемы В. М. Викентьев писал о сырости в здании неотопливаемого ГМИИ.

Дальше — больше. Окрыленный успехом и покровительством начальства в Наркомпросе, Викентьев ставит вопрос о "безотлагательном перенесении" "доведенной до ужасающего состояния" Голенищевской коллекции из специально для нее построенного зала в ГМИИ в "более оборудованное и отапливаемое помещение", каковым ему представляется МИКВ, "который в течение тех же самых 4 лет... сохранял аналогичное собрание египетских древностей в целостности и невредимости и все время предоставлял их на обозрение публики".⁵⁷ Безусловно, этот документ полон преувеличений: несмотря на проблемы с крышей здания, согласно акту музейного архитектора от 25 ноября 1922 г. "вещи не нуждаются в переносе".⁵⁸ Хранение памятников искусства в МИКВ отнюдь не являлось таким безупречным, что однозначно продемонстрируют как документы самого Института, так и акты 1924 г. о передаче его памятников в ГМИИ.⁵⁹ В ноябре 1922 г. В. М. Викентьев отправляется в рассчитанную на год заграничную командировку, а начатую им борьбу за перемещение Голенищевской коллекции продолжает В. И. Авдиев письмом в Наркомпрос от 28 декабря 1922 г.⁶⁰ Впрочем, во всех этих бумагах нет никаких обвинений в адрес хранительницы коллекции.

Архивные материалы не дают возможности представить позицию Т. Н. Бороздиной-Козьминой в этой истории. Ее имя и подписи в качестве и. о. зав. Отделом Классического Востока упоминаются только в актах о передаче имущества МИКВ в ГМИИ от 4 апреля 1924 г.⁶¹ Правда, в выписке из Протокола 47 заседания Президиума Отдела по делам музеев от 1 марта 1924 г. Музею Изящных искусств предложено: "впредь до возвращения из Египта В. М. Викентьева хранить имущество Музея-Института Классического Востока в особом помещении".⁶²

В ГМИИ перешел и единственный сотрудник МИКВ, зам. его директора, В. И. Авдиев. Возможно, его и имела в виду Т. Н. Бороздина-Козьмина как возможного кандидата на должность научного сотрудника Восточного Отдела (к сожалению, она не называется имени этого мужчины в письме к директору Музея Н. И. Романову от 31 января 1924 г.⁶³).

Кроме научного сотрудника, похоже, в Отделе должен был появиться и новый заведующий — ожидаемый из-за границы В. М. Викентьев, о чем свидетельствует его письмо из Каира заведующему Главнаукой Наркомпроса от 17 марта 1924 г. и документ, посланный в

⁵⁵ Архив ГМИИ, ф.4, оп.1, ед.хр.75, л. 2.

⁵⁶ Архив ГМИИ, ф.4, оп.1, ед.хр.70, л. 5.

⁵⁷ Архив ГМИИ, ф.4, оп.1, ед.хр.75, л. 3.

⁵⁸ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.397, л. 9–9 об.

⁵⁹ Архив ГМИИ, ф.4, оп.1, ед.хр.75, л. 12.

⁶⁰ Архив ГМИИ, ф.4, оп.1, ед.хр.70, л. 4.

⁶¹ Архив ГМИИ, ф.4, оп.1, ед.хр.75, л. 11–12.

⁶² Архив ГМИИ, ф.4, оп.1, ед.хр.75, л. 7.

⁶³ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр. 142, л. 17.

Отдел музеев Главнауки из ГМИИ 27 августа 1924, уведомляющий о назначении Викентьева на должность заведующего подотделом Египта и Отдела Классического Востока.⁶⁴

16 сентября 1924 г. на Ученом Совете Музея вновь обсуждалось штатное расписание по Отделу Классического Востока. В результате обсуждения было принято следующее решение: на должность зав. подотделом Ассирии был приглашен проф. В. К. Шилейко, Египетский же подотдел оставлен без руководства до возвращения В. М. Викентьева. Исполнявшая обязанности и. о. зав. подотделом Египта и Отдела Классического Востока Т. Н. Бороздина-Козьмина "по вновь введенным с 1 июня штатам" числилась "ученым сотрудником-специалистом" (как изобретательно! Почти как ныне существующая должность "историк второй категории"). Тамара Николаевна справедливо заявила, что перевод на эту должность не соответствует ее предшествующему стажу.⁶⁵ Однако, начальству виднее, и судя по выданному ей в 1925 г. удостоверению, она так и числилась "ученым сотрудником-специалистом", одновременно являясь "временно исполняющей должность Зав. Отделом Классического Востока".⁶⁶ И так, к "и. о." добавили еще и "временно"! Невольно вспоминаются строки из письма Б. А. Тураева к В. К. Мальмбергу: высоко оценивая В. К. Шилейко как ассириолога и горячо рекомендуя "пристроить его при библиотеке в Музее", он сомневается в возможности предоставления ему должности хранителя "по его официальному образовательному цензу".⁶⁷

Что еще известно о деятельности Бороздиной в Музее? Продолжая работу Б. А. Тураева по описанию египетских памятников в провинциальных музеях, она в сентябре 1924 г. на собственные средства съездила в Ялту, где ознакомилась с древностями Восточного и Художественного музеев. В Отчете она пишет: "Коллекция небольшая, состоит она из нескольких ушебти, статуэток богов, амулетов, скарабеев (причем среди них имеется несколько фальшивых), представляет интерес головка из камня, по всей вероятности Среднего царства. Черты лица портретные и очень хорошей работы. (Желательно приобретение этого памятника путем обмена для Восточного Отдела Музея Изобразительных Искусств на имеющиеся в этом Отделе дубликаты памятников не представляющих научное и художественное значение для Отдела, переговоры о подобном обмене мной велись)".⁶⁸

Как редкий специалист, Т. Н. Бороздина-Козьмина работала в комиссии по осмотру египетских древностей, принесенных в дар Наркомпросу Акционерным обществом АУФ-БАН в июле 1926 г.⁶⁹

В Ученом Совете Музея Т. Н. Бороздина-Козьмина ставила вопрос об обмене ряда древнеегипетских подлинников из Антропологического Музея МГУ на антропологический материал, действительно в избытке имеющийся в Отделе Египта. Речь шла прежде всего о "чрезвычайно интересном и хорошо сохранившемся саркофаге певицы Амона эпохи Нового царства, богато украшенного изображениями и иероглифическими надписями" (саркофага, который они изучали с Б. А. Тураевым!), фрагментах другого саркофага, картонажах, деревянных статуэтках, ушебти. К сожалению, ее заявление не датировано, но судя по окружающим его документам, относится к 1928 г.⁷⁰

Как и Учитель, Бороздина заботилась о пополнении Библиотеки Музея: в 1927 г. она добилась выделения Правлением ГМИИ денег для покупки у вдовы Р. И. Клейна классического и очень редкого издания результатов прусской экспедиции в Египет и Нубию

⁶⁴ Архив ГМИИ, ф.36, оп.6, ед.хр.6; оп.1, ед.хр.6, л. 1.

⁶⁵ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр.142, л. 28.

⁶⁶ Там же, л. 30.

⁶⁷ Архив ГМИИ, новая коллекция, ед.хр.5, л. 48.

⁶⁸ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр.142, л. 26–27.

⁶⁹ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.617.

⁷⁰ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.730, л. 7.

Р. Лепсиуса (знаменитые огромные тома: R. Lepsius. Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. Berlin, 1849–1919)/⁷¹

Неизвестно, состоялась ли планируемая ею командировка в Ленинград (она писала о необходимости таковой для себя и научных сотрудников В. И. Авдиева и А. С. Стрелкова).⁷²

В 1926 г. в серии "Памятники Государственного музея изящных искусств" публикуется ее статья "Глиняные сосуды и чаши архаического Египта бывшего собрания В. С. Голенищева" (Т. 5, М., 1926. С. 7–21).

Практически Тамара Николаевна руководила Отделом Востока, но официальной должностью это не было подтверждено, несмотря на то, что наконец-то разрешилась ситуация с В. М. Викентьевым. 17 января 1926 г. он пишет директору Музея Изящных Искусств Н. И. Романову из Каира: "Я считаю., что Музей, вверенный Вашему управлению, имеет полное основание подумать о замещении должности Заведующего Отделом Классического Востока постоянным лицом".⁷³ Годовая командировка затянулась почти на полвека...

С 1927 г. Т. Н. Бороздина является "заведующей Отделом Древнего Египта с исполнением обязанностей заведующего Отдела Древнего Востока вследствие его продолжительного отсутствия".⁷⁴ Под Актом осмотра египетских памятников и клинописных табличек от 6 июня 1927 г. В. К. Шилейко подписывается в качестве зав. п/о Передней Азии, а Т. Н. Бороздина — как и. о. зав. Отделом Классического Востока.⁷⁵ Ее старшему сыну было всего 7 лет, а двое младших были младенцами!

"Материалы обследования Отдела Древнего Востока" от 27 сентября 1928 г. фиксируют другое разделение обязанностей: зав. В. К. Шилейко сделал общий доклад о работе вверенного ему Отдела Востока, а Т. Н. Бороздина-Козьмина дополнила его сообщением о Египетском отделении. Она продемонстрировала комиссии новые инвентарные книги и старые описи. При этом выяснилось, что инвентаризация ею и В. К. Шилейко осуществляется по-разному: комиссия вынесла решение о необходимости унификации (на египетские памятники сначала заполнялись карточки, а затем Л. М. Крылова списывала данные в инвентарные книги). Т. Н. Бороздина указала на отсутствие хорошего запасника: пребывание материалов Египетского отделения в кабинете французского отделения Галереи было крайне неудобно, особенно для работы сторонних специалистов с папирусами. Она также настаивала на необходимости расширения выставочных зал Отдела, полагая, что "редчайшие памятники древней культуры должны быть использованы в экспозиции до отказа. В настоящее же время приходится очень тесниться, так что, например, выставку "Общественные классы в Древнем Египте", намечаемую к раскрытию к октябрю 1930 г., Отдел вынужден устроить в Ассирийском зале. Вообще проблема места для Отдела является основной, и неразрешение ее задерживает работу по составлению Путеводителя".⁷⁶ Чувствовала ли она тогда, что ее работа в Музее скоро завершится?

1930 г. для Тамары Николаевны начался тяжело: в январе одному из сыновей сделали серьезную операцию. Администрация вникла в ситуацию: начальнику охраны выдали справку от 8 февраля 1930 г., что Козьмина-Бороздина имеет уважительную причину для опозданий/⁷⁷ Трудности революционных лет сказывались и на здоровье самой Бороздиной: из-за болезни была перенесена ее командировка в Ялту в 1924 г., в 1925 г. были проблемы с сердцем.⁷⁸ Данные о времени ее увольнения из Музея "согласно личному заявлению по болезни" расходятся: в Трудовом списке указано 28 сентября 1930 г., а приказ за № 488 дати-

⁷¹ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.730, л.9; ф.8, оп. IX, ед.хр.1, л. 6.

⁷² Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр.142, л. 13.

⁷³ Архив ГМИИ, ф.36, оп.1, ед.хр.6, л. 13.

⁷⁴ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр. 142, л. 13, 99.

⁷⁵ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр. 730, л. 3.

⁷⁶ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр.730, л. 1–2.

⁷⁷ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр. 142, л. 54, 56.

⁷⁸ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр. 142, л. 21, 31–34.

рован 4 августа 1931 г. В личном деле сохранилось ее заявление от 15 июля 1931 г., но и указание на ее работу в качестве хранителя Египетского Отдела с 1912 по 28 сентября 1931 г.⁷⁹

Последние акты драмы выглядят неприятно даже в сухих строках официальных бумаг. Тамара Николаевна не пришла для передачи дел в Музей: не могла из-за болезни или просто не могла? По ее поручению М. В. Крылова передала документы Отдела Востока и. о. Ученого секретаря А. Д. Чегодаеву. 24 августа 1931 г. по распоряжению зам. директора ГМИИ Ж. А. Маурера А. Д. Чегодаев и хранитель Отдела Востока В. И. Авдиев произвели опись предметов в кабинете бывшей зав. Египетским Отделом Т. Н. Бороздиной-Козьминой. 3 сентября они же открыли "верхний правый ящик письменного стола" в ее кабинете и обнаружили в нем "вещи, лежавшие в очень большом беспорядке": амулеты, скарабеи, "множество разных черновиков, записок и бумажек несущественного значения".⁸⁰ О каком порядке может идти речь, при таком "порядке" передачи хранения? Тураевская традиция в Египетском Отделе ГМИИ имени А. С. Пушкина прервалась.

Имя Тамары Николаевны всплыло в документах Музея за 1959 г.: старший научный сотрудник С. И. Ходжаш приняла на хранение в дар от наследников подлинного скарабея из белого фаянса с изображением гуся и знака "mn" и 20 слепков с египетских памятников.⁸¹ В статье о Б. А. Тураеве Т. Н. Бороздина-Козьмина писала: "Я сама подпала в этом отношении под его влияние и грезилась о нахождении и приобретении египетских подлинников. И вот Борис Александрович и тут пошел навстречу молодому энтузиазму. Никогда не забуду как в Ленинграде, куда я приехала, Борис Александрович повел меня в антикварный магазин, и там я приобрела свои первые египетские вещи: бронзовую кошку, небольшие фаянсовые и бронзовые статуэтки богов и несколько амулетов. Как мы оба были рады, возвращаясь с этой покупкой. При помощи Бориса Александровича мне удалось выписать из Каира ряд подлинников древнего Египта, представляющих значительный интерес для частного собрания".⁸²

Редакция "Вестника древней истории" поместила на страницах последнего за 1959 год номера небольшую статью "Памяти Т. Н. Бороздиной", скончавшейся 4 января (№ 4. С. 159–160). 11 октября того же года не стало и И. Н. Бороздина.

⁷⁹ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр. 142, л.71,73,99.

⁸⁰ Архив ГМИИ, ф.5, оп.1, ед.хр. 932, л.4, 7–11а.

⁸¹ Архив ГМИИ, ф.5, оп.4, ед.хр.142: Акт N 965 от 30 мая 1959 г.: памятники поступили по Акту N 10 от 25 марта 1959 г.

⁸² Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев. С.308.